

ФОЛЬКЛОРНЫЕ МАТЕРИАЛЫ ИЗ АРХИВА С. И. ГУЛЯЕВА *

Рецензируемый сборник — первое издание по подлинникам записей былин и песен из собрания известного собирателя народного творчества и быта Сибири — Степана Ивановича Гуляева (1805—1888). Это собрание, в течение нескольких десятков лет считавшееся утерянным, хранится в Новосибирском областном архиве. Опубликованное по архивным рукописям издание собрания С. И. Гуляева, ценность которого общезвестна, очищено от искажений и редакторской правки, скопившихся за столетие во всех предыдущих публикациях. Часть же текстов публикуется впервые. Радует, что издание выполнено на необходимом научном уровне. Можно лишь пожелать, чтобы было осуществлено в ближайшее время издание, полностью охватывающее все богатое фольклорное и этнографическое наследие собирателя, а не только песенные жанры. С. И. Гуляев, правда, интересовался преимущественно ими, и они составляют основную часть его фольклорного архива, но большое значение имеют и собранные им, хотя и в меньшем количестве, тексты прозаических жанров (сказки, предания и пр.), а также этнографические описания обычаев, обрядов, игр и пр. Не утратили известного научного значения и статьи собирателя, а также его переписка. Издать все это как материалы для истории русской науки было бы весьма желательно.

Книгу, изданную Новосибирским областным издательством, надо рассматривать сравнительно с прежними попытками составления и издания сборников материалов С. И. Гуляева. Напомним следующие факты.

Помимо опубликованных при жизни собирателя в различных изданиях былин, песен и этнографических материалов, С. И. Гуляев подготовил к печати фундаментальный сборник народного творчества, после его смерти переданный Обществу любителей естествознания, антропологии и этнографии. Некоторые тексты из этого сборника были выборочно опубликованы В. Ф. Миллером и Н. С. Тихонравовым в сводных работах, но целиком сборник так и не был издан и затерялся.

В 1939 г. Новосибирское областное издательство предприняло переиздание отдельной книгой былин и исторических песен из публикаций Гуляева, ставших библиографической редкостью. Архив его остался неизвестным редактору книги проф. М. К. Азадовскому, и он был вынужден переиздать тексты с теми ошибками и редакторской правкой, которые внесли (как теперь выяснено) и сам Гуляев и его издатели, а из неизданных записей ограничиться только несколькими случайными текстами из архива АН СССР¹.

В 1942 г., во время моего пребывания в Новосибирске, мне удалось, благодаря содействию местных архивных работников, разыскать и изучить хранящееся в областном архиве собрание подлинных фольклорных и этнографических записей С. И. Гуляева, считавшееся утерянным. В архиве сохранились разрозненные (но почти исчерпывающие) материалы в автографах и списках к изданным его работам, в том числе и полевые записи собирателя, а также ряд неизданных текстов (в основном песен) и черновиков его статей и записи его корреспондентов — горных чиновников, учителей и пр. Все это и должно было, повидимому, составлять содержание подготовленного к печати С. И. Гуляевым сборника. Это фольклорное собрание — часть огромного фонда Гуляева (преимущественно по истории горного дела), поступившего из г. Барнаула, где он жил².

Вводная статья к рецензируемому изданию не содержит конкретного описания архива Гуляева, поэтому статью целесообразно дополнить в этой части. Собрание материалов по фольклору (ф. 36, д. 214) представляет объемистую рукописную книгу в переплете, содержащую 586 листов с оборотом, неравного размера. Автографы С. И. Гуляева и его корреспондентов перемежаются с многочисленными писарскими списками с них; все это испещрено правкой Гуляева. Содержание ее — былины, песни (исторические, солдатские, лирические, календарные, семейно-обрядовые и пр.), а также в небольшом количестве сказки, предания, мелкие жанры. Утраченными оказались нотные записи былин, которым собиратель придавал большое значение. Письма корреспондентов содержат ценные сведения об исполнителях, о бытовании былин и произведений других жанров, о приемах собирательской работы и о роли Гуляева, бывшего душой этой работы. Так как тексты паспортизированы очень неполно, — обычно указано только, кем и где произведены записи, — то имя певца и дата записи нередко восстанавливаются лишь по этим письмам.

* «Былины и песни южной Сибири». Собрание С. И. Гуляева. Вводная статья Л. Славороссовой. Новосибирск, 1952, стр. 334.

¹ «Былины и исторические песни из южной Сибири», Новосибирск, 1939

² Утверждение Л. Славороссовой, что весь архив С. И. Гуляева считался затерянным, должно быть отнесено только к фольклорному собранию; замечание же, что архив остался «до сих пор не использованным исследователями» (стр. 4), также относится только к его фольклорной части. Проф. В. В. Данилевский в своей книге о русском изобретателе паровой машины — Ползунове («И. И. Ползунов. Труды и жизнь первого русского теплотехника», М.—Л., Изд-во АН СССР, 1940) использовал фонд Гуляева. О Ползунове Л. Славороссова упоминает (стр. 6), но книга В. В. Данилевского, очевидно, осталась ей неизвестной.

В рецензируемый сборник вошло из рукописного собрания около 60 номеров произведений эпических жанров. Собственно былины — 28 номеров; из них впервые публикуется одна — о бое Ильи Муромца с сыном. К «песням-балладам» (11 номеров) отнесены не только тексты о татарщине, о ключнике — любовнике княгини, но и обычно публикуемые в разделе «былин-баллад» тексты о князе Михайле, Морянке, молодце и казне монастырской. Исторические песни (20 номеров), опубликованные в сборнике, относятся к эпохе Ивана IV, к XVII в., к петровскому времени, к войнам Семилетней, 1812 г., а также 1854—1855 гг. (Из них впервые опубликованы песни о Разине, Суворове, кн. Голицыне, З. Г. Чернышове, Кутузове и др.).

Раздел «Народная свадьба», кроме описания обряда (очевидно, сводного, так как место не указано), содержит 72 номера песен. Интересны тексты «круговых» (хороводных) песен, сопровождаемых игрой (они неудачно названы «обрядовыми»), и песен «проголосных» (собственно лирических), почему-то определенных лишь отрицательно: «те, которые не принадлежат к свадебным и круговым и поются вообще медленно» (стр. 287). В качестве попутного критического замечания отметим следующее: не указано, какие из этих песен были опубликованы, какие нет; не уточнена паспортизация песен по подлинникам, — песни даны суммарно; нет в публикации сквозной нумерации песен.

Этнографические материалы и статьи С. И. Гуляева в силу того, что издание имеет специализированный фольклорный характер, в сборнике использованы лишь в виде отдельных цитат или беглого пересказа (в том числе исключительно интересные записи, присланные собирателю его братом — В. И. Гуляевым с Локтевского завода, в особенности «Взятие снежного города» на масленице, в котором участвовало до тысячи человек). Не помещена и вводная статья С. И. Гуляева к подготовленному им сборнику народного творчества, имеющаяся в архиве, и воспоминания о П. И. Якушкине, с которым С. И. Гуляева связывало личное дружеское знакомство. Письма корреспондентов, касающиеся народного творчества, даны в примечаниях лишь в виде отрывков или только упомянуты. В «Приложениях» помещены всего два письма самого Гуляева о сказителе Л. Г. Тупицыне.

Изданию предпослана обстоятельная статья Л. Славороссовой «С. И. Гуляев — краевед и собиратель народного творчества», характеризующая обстановку, в которой жил и работал С. И. Гуляев, и его деятельность как фольклориста.

Разносторонняя научно-общественная деятельность Степана Ивановича Гуляева по изучению Алтайского горного округа развернулась во второй половине прошлого века. Кроме истории горного дела, различных отраслей экономики, собирания исторических документов и пр., он провел большую работу по изучению этнографии и фольклора русского населения. «Его работы, — по верному определению Л. Славороссовой, — первые крупные труды по этнографии и народному творчеству южной Сибири» (стр. 46). С. И. Гуляеву принадлежит первенство в открытии живого бытования в южной Сибири общерусского национального эпоса. Он связывал свое открытие с общей идеей единства русской культуры европейского и азиатского Севера, противопоставляя ее взглядам так называемых «областников». С. И. Гуляев принадлежал к плеяде первых русских ученых — собирателей народного творчества середины прошлого века (ср. П. Н. Рыбников, П. И. Якушкин и др.). Разносторонность их краеведческих интересов и вдумчивое отношение к носителям фольклора были тесно связаны с оживлением интереса в тот период к народной жизни. Большая этнографическая работа С. И. Гуляева в бывш. Томской губернии явилась особенно ценным вкладом в науку, так как Сибирь была изучена слабее, чем европейская часть России. Л. Славороссова сообщает интересные данные о внимании к работам Гуляева русских писателей его времени. А. Н. Островский отметил на одном экземпляре его работы «Этнографические очерки южной Сибири» свыше 70 слов языка песен (стр. 51). Н. А. Добролюбов, собираясь писать о поэтических особенностях русской народной поэзии, предполагал использовать публикации Гуляева (стр. 46).

Л. Славороссова стремится также установить связи деятельности С. И. Гуляева в области фольклора с борьбой В. Г. Белинского за революционно-демократическую науку. Установление таких связей справедливо и заслуживает внимания, но следует отметить, что автор в этом важном вопросе допускает неясность изложения.

Нечеткая формулировка, допущенная Л. Славороссовой (на стр. 18), позволяет понять автора так, что присылка первой работы С. И. Гуляева именно в «Отечественные записки» в 1833 г. была внушена тем, что там работал В. Г. Белинский. В действительности же статья Гуляева вышла в майской (пятой) книге, Белинский же начал там сотрудничать лишь с августа того же года.

О размахе работ С. И. Гуляева и об общении его с передовыми деятелями русской науки можно судить по тому, что за 29 лет из Барнаула было им отправлено свыше 2800 писем. Он поддерживал также постоянную связь с собирателями из местной интеллигенции, которых он инструктировал, с рабочими и крестьянами. Следовало показать, что Гуляев в своей организаторской и научной работе выступает не как равнодушный описатель жизни «поселян и мастеровых» (стр. 207); С. И. Гуляев давал оценку излагаемым фактам. Так, например, он иронизировал над суеверными свадебными обычаями; глубокой симпатией к слепому труженику — сказителю Л. Г. Тупицыну проникнуто известное письмо о нем к Л. Майкову.

Л. Славороссова правильно отмечает, что работы Гуляева о песенном творчестве

сибиряков «интересны не только большим и свежим материалом высокого художественного достоинства, но и тем, что они показывают связь песни с бытом, с обычаями, жизнью народа» (стр. 45). Она излагает мысль Гуляева о влиянии на эпос и песни среды их бытования, высказанную им в его неизданной статье к сборнику народного творчества, где он пишет, что в былинах «отразилось не только героическое прошлое русского народа..., но и современный быт сибиряков-алтайцев» (стр. 19). Причину сохранения эпоса в Сибири, помимо патриотических идей, он видел в сродстве эпоса отваге трудового народа, в частности сибиряков, ловкости, необходимой на зверобойном промысле, при стрельбе и верховой езде казаков, и т. д. Древность былинной традиции в Сибири он объяснял устойчивостью быта переселенцев-крестьян из северных европейских губерний.

Сказанное свидетельствует, что статья Л. Славороссовой имеет несомненные достоинства. Вместе с тем в ней есть и недостатки. Так, с нашей точки зрения, она содержит ряд материалов, которые для данного издания необязательны. Это касается, прежде всего, некоторых материалов первого раздела, содержащего данные по истории Алтайского горного округа (стр. 4—7), который получился сильно растянутым. Чрезмерно подробен и обзор различных начинаний С. И. Гуляева (стр. 9—14) по сельскому хозяйству, промышленности, народному просвещению и пр.

Вместе с тем не все фольклорные материалы из архива С. И. Гуляева использованы с достаточной полнотой.

Так, не уделено ему никакого внимания факту использования С. И. Гуляевым «неизвестного» печатного песенника XVIII в., найденного им в Барнауле, в дефектном виде, из которого собиратель выписал ряд песен. При ознакомлении с ними (в 1944 г.) проф. И. Н. Розанов установил, что этот использованный С. И. Гуляевым «песенник» — две части знаменитого «Собрания разных песен» М. Д. Чулкова. Гуляев снабдил эти тексты Чулковского собрания примечанием, показывающим, что многие из этих песен он слышал сам. В примечании говорится: «Следующие ниже былевые песни записаны в разных местах со слов старых людей, которые поют их доньше, так же, как и приведенные выше из песенника. Напев тех и других везде одинаков, разница состоит только в большей или меньшей полноте стихов песен, неудержанной памятью певца в одном месте, но сохранившихся в другом» (ф. 36, д. 214, л. 163). Повидимому, собиратель не стал записывать сам варианты песен, имевшихся в печатном сборнике. Вариант одной песни — о допросе фельдмаршалом Шереметьевым пленного «майора земли Шведской» был прислан ему, действительно, А. И. Лазебниковым из с. Ордынского. В 30-х годах нашего века фольклористу А. А. Мисюреву, по его устному сообщению, удалось записать на Алтае вариант этой песни, отнесенной к Кузузову.

Хотелось бы видеть в статье более ясно отмеченные особенности сибирских вариантов былин. Следовало бы обратить внимание, например, на такие вариации сюжета. В сибирских текстах в роли богатыря-малолетки выступают Добрыня Никитич (стр. 82) и Алеша Попович (стр. 101), а не Михайло Данилович и Ермак, как обычно. В былинах о них отражен древнерусский обычай передачи в наследство ценного оружия и доспехов (известный и по завещаниям московских князей). Мать, стараясь удержать от ратных подвигов юного Алешу Поповича, надевшего отцовские доспехи, говорит ему:

Булатная сабелька тебе вóтяжела,
Златая кольчуга тебе вóдолга...

Он же утверждает, что, наоборот, сабля ему «вóлегка», а кольчуга «вóкоротка» (стр. 101). Также необычен эпизод состязания Добрыни с чужестранцами в стрельбе из лука, который несут девять человек, а стрелу к нему — шестеро; сломав лук, Добрыня бросает стрелу в цель просто рукой (стр. 97).

В былине о выезде Алешы Поповича в сибирских текстах вводится такой эпизод. Еким Иванович взбегает на тупой конец воткнутого в землю копья, чтобы обозреть окрестность (стр. 105). Наряду с драгоценной утварью и ювелирными изделиями (ларец, «кубеш», чара, гривна и пр.) описаны и чудесные золотые «пуговки» на кафтане Ильи Муромца, в виде львов, которые «рассержаются» во время боя; устрашая врагов (стр. 72). (Вспомним, что изображения львов были распространены в прикладном искусстве древней Руси).

Все, даже мелкие наблюдения подобного рода имеют смысл, так как они выявляют своеобразие сибирских текстов былин половины прошлого века, которое представляет большой интерес для изучения истории русского эпоса в целом.

При рассмотрении материалов из архива С. И. Гуляева встает вопрос о том, как Гуляев готовил их к печати. На этот вопрос обращает внимание и Л. Славороссова, которая в статье утверждает, что Гуляев «серьезно редактировал» тексты, причем «делал это он с большим тактом и вкусом, с глубоким пониманием народной поэзии» (стр. 20). Этот спорный вопрос надо было осветить детальнее. Построение сличения архивных и печатных текстов позволяет восстановить характер работы С. И. Гуляева над фольклорным материалом. В поисках «первоначальной редакции» он устранял исторические и географические несоответствия, черты модернизации эпического быта,

вводил единообразный «канонический» ритм и стилистические приемы (повторы, инверсии, постоянные эпитеты), даже контаминировал тексты.

Характерно, что в противоречии с этой установкой полевые записи С. И. Гуляева отличаются необычайной тщательностью; в его статьях и научном аппарате к публикациям текстов отмечены местные черты в былинах и песнях; выявлена творческая индивидуальность исполнителя и т. д. Убеждение С. И. Гуляева в допустимости обработки произведений народного творчества (что было принято у собирателей его времени) позволяло ему делать это открыто. Характерно письмо к нему одного из его корреспондентов — Ив. Стрижкова, пославшего ему тетрадь песен с Кольванского завода: «Наконец-то я имею счастье препроводить лепту моих трудов. Собранные мною стихи, по Вашему указанию, неполны, т. е. требуют большой поправки с Вашей стороны, а с моей, чего требовалось и мог, — я сделал; они написаны более простонародно» (стр. 325). Опубликованные тексты этих песен, действительно, отличаются от рукописи. Автографы и оригиналы присылок его корреспондентов (как и личные полевые записи), как упоминалось, несут его правку; списки с них уже включают эту правку, иногда же на списках есть вторичная правка, так как к редактированию Гуляев возвращался неоднократно. Эти-то списки в их окончательном виде и совпадают с печатными текстами. Во всех без исключения текстах прежних изданий были и исторических песен, как удалось мне установить, имеются разночтения с подлинниками, от существенных изменений до случайных ошибок переписчиков и опечаток.

В подтверждение того, что правка С. И. Гуляевым текстов отмечена во вводной статье и примерениях рецензируемого издания недостаточно полно, можно привести несколько примеров. Так, не отмечено, что в «песне-балладе» о князе Михайле (№ 55) характерный для нее хореический размер в прежних изданиях выправлен на обычный былинный:

На дубовый полк (ее) клала,
Очи ясны(е) выжигала,
Белы груди (ей) распорола
(стр. 191)

Слова и буквы, взятые в скобки, введены Гуляевым. В былинке о Дунае (№ 23) были добавлены (очевидно, из «общих мест» эпоса) восемь начальных стихов (начиная со второго) о хвастовстве богатырей на пиру. В былинке о Скимене-звере (№ 19) были отброшены конечные стихи, наделяющие младенца обычными чертами «неверного» богатыря:

Головой-то он родился, как силен котел тридцати ведер,
Глаза, как пивные чаши.
(стр. 121).

Заметим попутно, что цитированная концовка очень важна, так как она опровергает несостоятельное толкование дореволюционной буржуазной наукой образов этой былинки как победы новой религии — христианства (младенец) над язычеством (Скимен-зверь).

Не отмечено, что в былинах киевского цикла в передаче сказителя Л. Г. Тупицына, любившего приурочивать их действие к «матушке Неве реке», собиратель везде заменил Неву традиционным Днепром. «Штык», на который хотят насадить голову Змея Горюничя, заменен «колом».

Кажется спорным комментарий к текстам песни о молодце, завладевшем монастырской казной (№ 33, 34, 52). В примечании к первому тексту написано: «По рукописи архива АН аналогичный текст напечатан в кн. «Былины и исторические песни» № 39, стр. 128—129. В архиве Гуляева этот текст не найден. Публикуемый нами текст, записанный Д. Соколовым, значительно отличается от текста, опубликованного в вышеназванной книге» (стр. 320). Текст АН также напечатан в рецензируемом издании под следующим номером как вариант к предыдущему; вероятнее же, что он является одним из сводных списков в редакции С. И. Гуляева — контаминации скатого текста в записи Соколова (№ 33) и другого текста — записи Гуляева от Л. Г. Тупицына (№ 52) (мотив избияния разбойников вырванным из земли дубом); кроме того, в сводный текст (№ 34) включена, повидимому, известная песня-диалог — допрос разбойника царем.

Вероятно, непродуманностью формулировки объясняется то, что Л. Славороссова называет «очень редкой стариной» (стр. 28) единичную запись текста о жене Ильи Муромца, сражающейся вместо него с Тугариным во главе «княжеческой рати». Еще О. Ф. Миллер «обратил внимание на противоречивость этого текста всем остальным изводам», как пишет об этом проф. М. К. Азадовский, продолжая, однако, считать, что этот текст «совершенно уникальный» (ср.: «алтайский вариант... отголосок какой-то древнейшей версии, совершенно забытой и северными и южновеликорусскими сказителями» («Былины и исторические песни», стр. 177). Этот текст обычно относится к записям Д. П. Соколова или какого-то другого собирателя (см. в издании сборника

1939 г.). Обследование мною архива показало, что среди подлинников записей Д. П. Соколова этого текста — единственного из всех опубликованных — нет. Имеется лишь в другом месте рукописного собрания список, на котором рукой Гуляева помечено: «записано в Сузунском заводе Д. П. Соколовым», однако фамилия собирателя затем счищена, хотя и не полностью. Обращает внимание то, что сюжет этой былины крайне странен: жена богатыря сражается вместо него. Нигде больше в русском эпосе подобного положения не встречается. Противоречит обычной в былинах сатирической характеристике «князей-бояр», противопоставляемых народу, положительная оценка их в данном тексте: «головы разумные». Тугарин в этой былине выступает как противник Ильи Муромца, а не Алеши Поповича, как обычно. Поэтика былины имеет черты необычные для былинной традиции: «княженецкая рать», «молонья светлая», кони «смелые», а не «добрые», стрелы «меткие», а не «каленые», и т. д. Концовка скорее напоминает сказочную.

Можно предположить, что этот сомнительный текст был действительно получен не от Соколова, который как собиратель отличался крайней добросовестностью. Все сказанное позволяет сделать предположение, что Гуляев имел дело с чьей-то авторской подделкой былины и поддался ей, как это случалось в то время и с другими исследователями народного творчества.

Отмечая достоинства и недостатки статьи Л. Славороссовой, следует остановиться еще на одном обстоятельстве. Статья Л. Славороссовой имеет дефекты в ссылках на прежних исследователей вопроса. Даже, если то или другое наблюдение было сделано самостоятельно, но указывалось кем-либо раньше, надо делать отсылку к работе, содержащей такое указание. Так, вводная статья Л. Славороссовой имеет много совпадений с положениями исследовательской вступительной статьи проф. М. К. Азадовского и его примечаний к изданию 1939 г. (борьба Гуляева с «областниками», древность героического образа Алеши Поповича в сибирских былинах, «сибиризмы» в них). Однако на работу Азадовского в статье есть ссылка лишь по двум случаям: песня о Ваньке-ключнике (стр. 36) и о Салтыкове (стр. 33). Неполные ссылки даны также в примечаниях. Нечетко сделана ссылка и на известную работу А. Н. Лозановой о песне про Захара Григорьевича Чернышова (см. стр. 34 и 323). Не сочла нужным Л. Славороссова сослаться и на мою работу, проведенную в 1942—43 гг. по заданию Новосибирского областного архивного управления; составленные мной картотека и указатель к былинам и песням рукописного собрания Гуляева, вместе с объяснительной запиской, главным образом о работе С. И. Гуляева над фольклорными текстами, были затем присоединены к фонду С. И. Гуляева. Они не могли остаться неизвестными исследователям, работавшим над архивом позднее. Однако отсылки к ним в статье отсутствуют³.

Указанная нечеткость ссылок на исследователей неожиданна, тем более, что она, повидимому, и не основана на стремлении как-то принизить значение работ других авторов. Статья Л. Славороссовой, содержащая много самостоятельных и интересных мыслей, конечно, выиграла бы от большей четкости ссылочного аппарата.

Публикация текстов сборника в целом удовлетворяет. И все же составителю надо сделать и в отношении публикации некоторые упреки. Следует напомнить, что в публикации по рукописным подлинникам нужна особенно четкая архивная обработка. В рецензируемом же издании не вполне выдержана схема сообщения основных данных по рукописи и нет единства формулировок и терминологии. Ненаучен термин «беловая рукопись» (это может означать и автограф и вообще оригинал и списки с него). Примером неприемлемой для архивиста формулировки может быть следующий текст: «Рукопись написана Гуляевым, на ней примечание» (стр. 322). Ссылка на нумерацию архивных листов, как и указание на прежние публикации текста, не имеет в примечании фиксированного места. Для многих текстов не указан собиратель (№ 5, 10, 21 и др.). Примечания во многом текстуально повторяют вводную статью, а частично дополняют ее; сосредоточение всего исследовательского материала в вводной статье обогатило бы ее, а примечания избавило бы от громоздкости.

Подводя итоги разбору книги, следует указать, что, несмотря на отмеченные недостатки, книга «Былины и песни южной Сибири» в целом должна быть оценена положительно. Новосибирское областное издательство и составитель книги сумели, не ломая установки на издание научно-популярной работы, выпустить книгу, имеющую научное значение. Эта книга, знакомящая широкие круги советских читателей с фольклорными материалами, с научной и общественной деятельностью одного из крупных краеведов и ученых — С. И. Гуляева, детально характеризует существовавшую в середине XIX в. обстановку, самих людей и их деятельность в области науки. Материалы, опубликованные в книге, имеют научную и художественную ценность и действительно достойны напечатания. Следует пожелать, чтобы Новосибирское издательство продолжило выпуск подобного рода книг. Научные и художественные ценности, хранящиеся в архивах Сибири, велики. Издание лучших материалов из собранного в архивах — важная задача.

Р. Липец

³ Итоги работы над архивом С. И. Гуляева были мной опубликованы в сжатом виде в статье «Былины у промыслового населения русского Севера XIX — начала XX в.». Сб. «Славянский фольклор», Труды Института этнографии АН СССР, т. XIII, М., 1951.